

2. Деревянская В.В. Лингвокультурный типаж «британский колониальный служащий» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.

3. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажы России и Франции XIX века : моногр. Волгоград : Перемена, 2007.

4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002.

5. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М. : Наука, 1989.

6. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) : моногр. М. : Диалог МГУ, 1998.

7. Лурия А.Р. Язык и сознание. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998.

8. Лутовинова О.В. Лингвокультурный типаж «хакер» // Политическая лингвистика / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2006. Вып. 20. С. 215–229.

9. Мурзинова И.А. Лингвокультурный типаж «британская королева» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.

10. Пропп В.Я. Морфология сказки. Л. : Academia, 1928.

11. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М. : Academia, 2000.

12. Шахнарович А.М. Языковая личность и языковая способность // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность : сб. ст. / Ин-т рус. яз. РАН. М., 1995. С. 213–223.

13. Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудак» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.

14. Klapp O.E. Symbolic Leaders. Public Dramas and Public Men. Chicago : Aldine, 1964.

15. Lemke J.L. Texts and Discourses in the Technologies of Social Organization // Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity. London, 2003.

Linguistic personality as the subject of Anthropological Linguistics study

The article deals with a linguistic personality understood as a generalized image of a person representing cultural values, cognitive and communicative dispositions and behavioral reactions. A structure of a linguistic personality and its tentative types are discussed.

Key words: *linguistic personality, Anthropological Linguistics, linguistic consciousness, communicative behaviour, linguistic and cultural personality type.*

В.И. ШАХОВСКИЙ
(Волгоград)

ДИСКУРСИВНОСТЬ ЭМОЦИЙ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Обосновывается тезис о дискурсивности эмоций, связанной с коммуникативными/категориальными эмоциональными ситуациями человеческого общения. Эффективность эмоционального общения зависит от адекватности эмоциональных образов у речевых партнеров и от их искренности/неискренности.

Ключевые слова: *дискурсивность, образ, коммуникативная/категориальная эмоциональная ситуация, этнический фактор, рационализация эмоций, коммуникативная игра как компонент дискурсивности эмоций.*

Долгое время все лингвистические парадигмы вращались вокруг центральной единицы языка – слова. Однако с конца XX в. произошел переход на более абстрактный предмет исследования – образ, в том числе и эмоциональный. Лингвистика осознала, что люди общаются не словами, не словосочетаниями, не текстами, а образами-картинками. Когда люди говорят друг с другом, они транслируют свое миропонимание в образах и картинках и индуцируют соответствующие образы у своего коммуникативного партнера. Естественно, что транслируемые в ситуации общения когнитивные картины эмоционально окрашены.

У человека как у социального существа все эмоции изначально являются коммуникативными, т. к. они транслируются на других людей, а при их отсутствии – на самого субъекта. Успешная передача картинок одного коммуниканта другому свидетельствует об их одинаковой коммуникативной компетенции, а динамическая эмотивная эквивалентность этих картинок – об одинаковой эмотивной компетенции партнеров. На такие рассуждения наводит эмоциональная коммуникация людей, которая не укладывается в «прокрустово ложе» семиотической системы языка. В реальной коммуникации постоянно возникают эмоциональные ситуации, которые характеризуются типовым эмоциональным поведением говорящих и использованием эмотивного кода языка, поэтому перед коммуникативистикой и лингвистикой эмоций стоит актуальная задача изучения дискурсивных

характеристик эмоций, их проявлений в разных ситуациях общения. Естественно, основной задачей в таких исследованиях становится описание категориальных эмоциональных ситуаций (далее – КЭС). Под КЭС понимаются типичные жизненные (реальные или художественно изображенные) ситуации, в которых задействованы эмоции коммуникантов: речевых партнеров, наблюдателя или читателя. Недискурсивных эмоций не бывает, поскольку каждая эмоция, с одной стороны, есть рефлексия коммуникантом явлений мира и конкретных событий в нем, а с другой – оценка определенного дискурсивного события.

Дискурс является лингвокультурным, социальным и когнитивным феноменом, и дискурсивная природа эмоций может быть раскрыта через эти его характеристики. Так, известно, что отсутствие демонстрации эмоции в определенных КЭС является аморальным с точки зрения этических норм социума. Таким примером служит формальное выражение эмоций британской королевой Елизаветой II по поводу гибели принцессы Дианы. Ее эмоции прошли ментальную обработку и превратились в рационализированную холодность. В то же время демонстрация эмоций во многих лингвокультурных социумах является табуированной [2]. Общеизвестно различие сценариев эмоционального поведения китайцев, американцев, англичан, русских, итальянцев, французов и немцев. Эти сценарии ритуализированы, они регулируются социокультурными нормами. Сам говорящий может не знать о внешнем проявлении своих эмоций и тем самым выдавать себя, а наблюдатель может начать резонировать эмоции субъекта неожиданно для него и адаптироваться к ним или сопротивляться им. Так зарождается неожиданная эмоциональная дуэль “strikes and strokes”.

Поскольку социальные нормы в любом обществе вырабатываются коллективно и формируются в течение долгого времени, они определяют не только особенности проявления ситуационных эмоций, но и дискурсивные стратегии эмоционального поведения. Наиболее распространенным примером дискурсивной стратегии является категориальная ситуация неискренности. Считается, что в неискренней ситуации шутить сложно: юмор как показатель непринужденности в них неуместен. Натянутая улыбка собеседника стирает искренность и непринужденность межличностного общения, и его слова входят в противоречие с семантикой его body language.

Трудным в неискреннем дискурсе является определение конкретной выраженной эмо-

ции, когда переживается одна, а выражается либо ей противоположная, либо смягченная эмоция, а также эмоциональные ситуации, смутно воспринимаемые речевым партнером. Примером неискренного выражения эмоций является поведение героини рассказа К. Чопин «История одного часа» (К. Chopin “The story of an hour”): узнав о гибели мужа во время катастрофы поезда, героиня вначале перед собравшимися друзьями и родственниками внешне выражает неутешное горе, а потом, поднявшись в свою спальню, наедине с собой бурно выражает свою радость по поводу предстоящей свободы.

Существует закон эмоциональной искренности, который часто в процессе как делового, так и бытового общения нарушается [7]. Выражения искреннего и неискренного чувства, конечно же, различны. Имитация и симуляция эмоций могут быть очень искусными, но в бытовом общении эти приемы искусными бывают редко. В неискренних ситуациях и в ситуациях замешательства наблюдаются дискурсивные стратегии избегания внешних проявлений эмоций в межличностном групповом и институциональном общении. Нередкими являются коммуникативные ситуации, когда один из партнеров оказывается эмоционально ангажированным, и тогда траектория общения может быть трудно предсказуемой из-за неожиданных дискурсивных стратегий, сопровождающихся вербально-эмоциональными эффектами.

Другой сложностью является эмоциональное общение на иностранном языке, когда говорящему должны быть известны коммуникативно-специфические нормы этого языка. Например, русскоязычному коммуниканту, пытающемуся общаться на английском языке с его носителем, необходимо знание косвенных языковых форм выражения эмоций давления, существующих в английской лингвокультуре. *Might/could you; perhaps you could*, и аналогичные формы являются имплицитным эмоциональным давлением на коммуниканта. Семантическое толкование такого имплицитного эмоционального давления может быть сформулировано так: «Если ты захочешь подумать об этом, то ты сделаешь это». Разная этноцентричность способов выражения давления на эмоции проявляется в разных языковых формах: в русском языке *Сделай это!* (императив) vs *«Я прошу тебя сделать это»* (реквизитив) vs *Perhaps could I ask you to do it?* в английском языке. Русская речевая культура характеризуется преобладанием прямого выражения эмоций, а английская – косвенным

и имплицитным. Даже если в русском языке используется форма *Не могли бы вы мне помочь?*, она отличается возможной негативностью имплицитного отказа, в то время как в английском языке *Could you help me?* изначально не превосхищает отказа из-за положительности эмоционального давления в этой лингвокультуре.

Отдельную проблему составляет использование нецензурных выражений: отсутствие соответствующих знаний об их референциях в чужой культуре, их эмоциональных ассоциациях и коннотациях позволяет иностранцам легко и некритично использовать сниженную и вульгарную лексику без учета сферы общения. Неуместность и неэффективность используемых инвектив в этих случаях лишней раз указывают на дискурсивность самих эмоций и их вербальных упаковок.

Адекватное выражение эмоций на иностранном языке в устной и письменной коммуникации возможно только в случае адекватной эмоциональной/эмотивной компетенции говорящего. Этой компетенции надо обучать специально. Учебников по эмоциональному общению на иностранном языке все еще нет, хотя лингвистика эмоций и разработала уже достаточное количество как теоретического, так и практического материала, чтобы такой учебник был создан. Отсутствует и специальный словарь эмотивной лексики конкретного языка, хотя написано множество кандидатских и докторских диссертаций по вербальному выражению эмоций, в том числе и по инвективному. Если бы при Институте языкознания РАН можно было создать Центр исследования эмоционального языка человека, то в нем следовало бы открыть лексикографическую группу по созданию подобного словаря. Этот словарь мог бы носить регистрирующий и предписывающий характер, использоваться как в научающей, так и в художественной коммуникации.

Эмотиология уже доказала, что адекватное описание эмоций человека невозможно даже в пределах одной лингвокультуры: оно всегда лакунарно. Никакое описание эмоций неверно в принципе, поскольку разные коммуниканты в силу различий их эмоционального дейксиса и эмоционального интеллекта описывают свои и чужие эмоции неравнозначно [11]. В этом и заключается проявление человеческого фактора в языке. Самому коммуниканту зачастую трудно бывает определить, какую именно эмоцию он в данном дискурсивном событии выразил. С большей или меньшей точностью он может определить только ее знак и доминан-

ту, если эмоция не амбивалентна, поэтому дискурсивность одной и той же эмоции варьируется лексическим, синтаксическим, просодическим, интонационным и теловым решениями. Такое варьирование делает описание любой эмоциональной коммуникации неточным и неопределенным, но в силу параметра дифференцированности эмоций, именно благодаря конкретному дискурсу, включающему типовую КЭС, коммуниканты различают эмоции более точно. Вышеназванный параметр не срабатывает или срабатывает плохо лишь при разграничении близких по модальности эмоций (например, гнева, раздражения, возмущения, бешенства, ярости).

В процессе эмоциональной коммуникации лексические и синтаксические решения коммуникантов могут противоречить эмоциональной просодии, фонации и интонации. В письменном тексте такая рассогласованность снимается комментарием автора: *Не помешаю тебе, Гриша? – спросила кладовщица, мигом ставя свой искрящийся сапог на ступеньку кабины. // С нашим удовольствием, – тоскливо сказал шофёр; Бери, бери спиннинг ... Чего зыришь? У, паразит! // И это «паразит» прозвучало так ласково, что у Кеши захолонуло в душе* (Е. Евтушенко «Ягодные места»).

В устной речи словарные лексические и синтаксические значения высказывания с помощью интонации, фонации и просодики трансформируются в актуальные смыслы и декодируются адресатом более или менее однозначно. В эмоциональной коммуникации такие явления довольно частотны, и противоречия между значением и смыслом снимаются КЭС, которая является видовой и входит в когнитивную структуру коммуникативных правил, а также «вертикальным и горизонтальным» контекстами – дискурсивностью, в том числе эмоциональной.

Мнение о том, что в начале было слово, сегодня переосмысливается – в начале, как мы полагаем, все же, была эмоция. Однако эмоция не может возникнуть на пустом месте, ее что-то порождает. Этим «что-то» является интенция, коммуникативная задача. Поэтому, вероятно, в начале была все-таки интенция, она родила эмоцию, эмоция сформировалась в слово, слово стало соединяться с другими словами и называть, выражать, описывать чувства человека говорящего, превращая его в *Homo sentiens*.

При помощи специального подбора языковых средств говорящий способен ввести реципиента в определенное эмоциональное состояние или вывести из него, в зависимости от

актуальной интенции. Так, в одном из выпусков телепрограммы «К барьеру!» М. Барщевский сразу огласил свою интенцию – показать телезрителям «клоунаду в исполнении В. Жириновского» и доказать его полную несостоятельность как политического деятеля. Избранная им стратегия эмоционального сдерживания себя и провоцирование В. Жириновского удалась. Ее эффектом было поражение В. Жириновского в коммуникативной дуэли с большим счетом. Этот политик выглядел человеком, не способным к спокойному и умному аргументированию.

В дискурсе используются все возможные способы репрезентации эмоций, каждый из которых в большей или меньшей степени уместен в разных ситуациях общения. Если сопоставить описание эмоций с их выражением в процессе эмоциональной коммуникации, то можно сказать, что выражение эмоций языковыми и неязыковыми средствами является более семиотичным, т. к. они имеют более коммуникативно точные эмоциональные маркеры, а их выбор зависит от конкретного адресата (ср., например, аффективы *мерзавец* и *сволочь* по отношению к одному и тому же адресату: они могут быть употреблены серийно и интенсифицировать эмоцию гнева по отношению к нему, а могут быть употреблены однословно по отношению к разным адресатам и производить тот же эмоциональный эффект в зависимости от ситуации). Описание этих эмоций менее семиотично и потому менее прагматично. Модель описания «Я чувствую/испытываю X-эмоцию» сталкивается с большими языковыми трудностями в конкретизации описания испытываемых эмоций. Эмотиология установила, что каждая коммуникативная эмоция имеет свой признак и свой конкретизатор, и различаются вербализуемые эмоции именно благодаря их конкретизаторам: «недовольство», «раздражение», «гнев», «ярость», «неистовство», «бешенство». Каждое из этих названий является конкретизатором зонтичного слова «эмоция». В описаниях эмоций они являются предметом сообщения, а не средством. Особенно ярко это проявляется в случае описания чужих или своих, но прошлых, т.е. инодискурсивных, несиюминутных эмоций.

Выражение эмоций связано с их естественным проявлением, а описание всегда стилизовано: описанные эмоции являются рационализированными и концептуализированными [9]. Особенно ярко это наблюдается в словных эмоциональных реакциях следующего типа: *Я на тебя сержусь, Ты меня сердишь,*

Я тебя оскорбляю и др. Такие вербальные реакции эмоционально смягчены, и даже просодия и интонация не компенсируют переживание реальной эмоции раздражения. Однако следует заметить, что описание невысказанных, но переживаемых эмоций настоящим художником слова может быть очень эмоциональным, как, например, в повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» [12]. Поскольку художественная коммуникация всегда является эмоциональной (и в частности эмоциогенной), она чрезвычайно важна как тип коммуникации, поскольку способствует повышению эмоциональной компетенции читателей.

Уже не является гипотезой утверждение о том, что существует парадигма лингвистических единиц, дифференцирующим признаком которых выступает эмоциональное значение [10]. Этот признак маркирует не только эмотивное предложение, эмотивные речевые акты, но и все эмотивные тексты с эмотивными выражениями [3; 8; 13]. Телом такого признака является прежде всего эмотив, т.е. языковой знак, содержащий кодированную эмотивную семантику и открывающиеся в разных контекстах и дискурсах его эмоциональные валентности. По Р. Барту, в таких единицах содержится специфическая химическая субстанция, резко меняющая коммуникативную тональность и прагматику речевого произведения. В силу таких способностей эмотивные единицы являются ключевыми элементами текстов, диалогов, рассуждений. Благодаря им происходят дискурсивное развертывание семантического потенциала эмотивной лексики в тексте, порождение новых смыслов через наведение эмотивных сем на нейтральные знаки, открытие у них новых эмоциональных валентностей. Эти же единицы создают эмоциональную тональность текста через коммуникацию читателя с текстом, в ходе которой происходит извлечение эмоциональных смыслов из текстового пространства путем декодирования его пред- и постэмотивных сигналов, поддерживающих эмоциональный настрой читателя, выполняя функцию своеобразной эмоциональной подпорки восприятия.

Эмоциональная окрашенность дискурса более голографична, чем эмоциональность отдельного слова. Эмоционально окрашенные слова и аффективные слова, будучи включенными в коммуникативную ситуацию, обладают магическим фасциативным воздействием, поскольку вызывают как ментальные, так и эмоциональные реакции (положительные и отрицательные). Эти воздействия могут быть тройными: они приводят к ментальным изме-

нениям, вербальным, авербальным или акциональным реакциям коммуникантов, вызывают симпатию или антипатию. Наши немецкие коллеги-лингвисты рассказывали, что они избегают в своей коммуникации употребления фамилий Фурцевой (бывшего министра культуры СССР) и теперешнего министра образования Фурсенко из-за межъязыковой омофонии этих фамилий с немецким глаголом «*furzen*» (переводческий эвфемизм которого «портить воздух»), что вызывало и вызывает неприятные эмоциональные ощущения и ассоциации в немецкой лингвокультуре и полностью отсутствует в русском языке. Таким образом, можно говорить о существовании эмоционально-оценочных представлений, участвующих в коммуникации эмоций и оказывающих сенсуальное воздействие на коммуникантов. Такие факты подтверждают необходимость разграничения эмоционального и чувственного компонентов в семантике слова [5].

В коммуникативной лингвистике известно, что эмоции могут вызываться не только тем, что говорится, но и тем, как это говорится. Под «как» понимается и лексика, и синтаксис, и композиция, и стилистика, и авербалика, в совокупности формирующие коммуникативную тональность. Аргументом в пользу этого мнения является высказывание С.Д. Кацнельсона о том, что эмоциональность может вообще не иметь явного формального выражения, но это не значит, что оно обитает в сфере «чистого духа» [4]. Видимо, ученый имел в виду саму коммуникативную организацию высказывания, т. е. его структуру, синтаксис. Не вызывает сомнения, что синтаксис и лексика в коммуникативном процессе облигаторно взаимодействуя, формируют тема-рематические блоки и определяют особенности смыслового наполнения высказывания, в том числе эмоционального. Такое противоречие наиболее часто наблюдается в жанре игровых текстов. Скрытые смыслы могут принимать причудливую эмоциональную форму через языковую игру, правила которой дискурсивно определены. Так, в салонах многих городских маршруток можно видеть шуточные объявления: *Хлопнешь дверью – умрешь от монтировки; На колени можно сажать шестилетних детей, а не шестнадцатилетних придурков; На ходу не выскакивать – у водителя парашютов нет!; Быстро поедешь – тихо понесут; Место для удара головой; Уважаемые пассажиры, пожалуйста, бананы и семечки ешь вместе с кожурой; Пятнадцать минут страха – и вы на работе; Стоимость аттракциона –*

10 рублей; Закрывайте двери душевно, а не от души; Заходи, садись, пристегнись и заткнись!; Не бегай по салону!; Хлопнешь дверью – станешь льготником и др. Подобные примеры объявлений имеют прямые рациональные смыслы, но через шуточные, иронические и даже саркастические формы косвенной номинации они транслируются в эмоциональные, которые в «маршруточном дискурсе» более эффективны в силу своей фасциативной функции [6].

Игровая функция эмоций позволяет коммуникантам открывать новые валентности у ранее не сочетавшихся языковых знаков и порождать такие эмоциональные дериваты, как, например: *утомленные пиццей* (аллюзия); *фигарономика* (аллюзия); *экономика* (по аналогии с *рейганомика*, *горбономика*). Аналогичная игра наблюдается в новых контекстуальных понятиях: *олигархи с большой дороги* (А. Ханштейн «О Березовском и Абрамовиче»); *начальники с большой дороги*; *басманно, басманность*; *барашки в бумажке*; *крутые и подкрученные* (новые русские); *торчок, торчать, заторчать*; *СМИсители*; *журналиюги* и т.п. Особенно часто игра с эмоциями вербализуется в газетных заголовках современных СМИ: *Морями дрейфуют, но не дрейфят*; *Концертные номера с участием «звезд» эстрады и зазвездившихся политиков*; *«Рио-де-Житомир*; *Умом Россию не пронять*; *Сивка-урка*; *Этот восхитительный хлам*; *Жертвы на алтарь согласия* и т.п. Разнообразные случаи эмоциональной игры реализует креативную и фасциативную функции языка. Одновременно такие эмоциональные дериваты предвосхищают и утоляют вечную «кажду» человека в экспрессии.

Получается, что общение человека эмоционально значительно чаще, чем не эмоционально, поэтому на вопрос «может ли общение быть только эмоциональным?», ответ должен быть, скорее, положительным. Все эмоции дискурсивны, но их кластирование и проявление зависят от рационального планирования и коммуникативной задачи, решаемой *Homo loquens*.

Таким образом, в парадигму терминопонятий психолингвистики, наряду с терминами «дискурсивное сознание/мышление/событие» в данной работе предложено еще одно терминопонятие – «дискурсивная эмоция/дискурсивность эмоций».

Литература:

1. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. М., 1999.

2. Вежбицкая А. Англоязычные сценарии против «давления» на других людей и их лингвистические манифестации / пер. В.В. Дементьева и Е.Б. Ковелевой // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : Изд. центр «Наука». Вып. 3. Жанры и культура. 2007. С. 131–158.

3. Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998.

4. Качнельсон С.Д. Типология языка и речевого мышления. Л., 1972.

5. Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории. М., 2000.

6. Норман Б.Ю. Жанр шуточных объявлений в маршрутных такси // Жанры речи. Саратов : Изд. центр «Наука», 2007. С. 429–438.

7. Плотникова С.Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). Иркутск : Изд-во Иркут. гос. лингв. ун-та, 2000.

8. Труфанова И.В. Прагматика несобственно-прямой речи. М. : Прометей, 2000.

9. Филимонова И.В. Язык эмоций в английском тексте. Когнитивный и коммуникативный аспекты : моногр. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001.

10. Шаховский В.И. Что такое эмотивное значение? // Проблемы изучения слова: семантика, структура, форма: сб. Тверь : Твер. гос. ун-т, 1990.

11. Шаховский В.И. О переводимости эмотивных смыслов художественного текста : моногр. М. : ИЯ РАН, 1997.

12. Шаховский В.И. Эмоции и мысли в художественном тексте // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. ст. Волгоград – Саратов : ВГПУ, 1998.

13. Щирова И.А. Языковое моделирование когнитивных процессов в англоязычной психологической прозе XX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001.

Discursiveness of emotions in human communication

There is substantiated the thesis about the discursiveness of emotions. This discursiveness relates to communicative/categorical emotional situations of human communication. The effectiveness of emotional communication depends on the adequacy of speech partners' emotional images and on their sincerity/insincerity.

Key words: *discursiveness, image, communicative/categorical emotional situation, ethnic factor, rationalization of emotions, communicative play as a component of emotions discursiveness.*

В.Б. КАШКИН
(Воронеж)

ДИСКУРСИВНЫЙ ЭФФЕКТ: ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Исследуется появление новых смыслов в дискурсе, т.е. возникновение дискурсивного эффекта вследствие воздействия позиционных факторов (синтагматика дискурсивных отношений) и факторов социального статуса источника (парадигматика дискурсивных отношений).

Ключевые слова: *дискурс, дискурсивный эффект, коммуникация, интертекстуальность.*

Из двух сложившихся в интерпретации коммуникации парадигм – трансляционной и интеракционной – наиболее эффективным для объяснения процессов человеческого общения следует признать интеракционный (диалогический, деятельностный) подход. Это связано во многом и с тем, что коммуникация важна не сама по себе – это лишь надводная часть айсберга всей человеческой активности. Она сопровождает, обобщает и организует действия, являясь также видом деятельности, точнее даже – метадеятельностью по отношению к деятельности человека в целом [3, с. 658–659]. Именно эта связка деятельности и метадеятельности и объясняет возможность слов «творить мир», феномен речевого воздействия и дискурсивного эффекта.

Динамическая и деятельностная парадигма языка и коммуникации получила свою разработку в трудах психологов и социологов, языковедов и философов. В XX в. наиболее значимыми для этой концепции следует признать идеи Л.С. Выготского о речевой деятельности, М.М. Бахтина о речевом взаимодействии, становление теории дискурса (М. Фуко, Р. Барт и др.), вероятностную модель языка В.В. Налимова, идеи социального конструктивизма и др.

В дискурсе наиболее отчетливо проявляется антиномичность коммуникативной деятельности человека, в которой диалектически (т. е. неразрывно и в обязательном взаимодействии) проявляются статичность знаковой системы и динамичность дискурсивных процессов, линейность текста и гештальтность, конечная целостность его понимания, мнимая материальность языковых единиц и нематериальность смысла. Теория дискурса, деятель-